

Формирование гражданского общества и государство

Юрий Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

По мнению зарубежных исследователей¹, успешным на мировой арене может быть только демократическое государство с развитыми институтами гражданского общества. Данная точка зрения базируется на историческом опыте либеральных демократий, где гражданское общество инициирует основные направления своего развития, участвует в процессе реформирования государства, критикует и контролирует властные структуры, повышая эффективность их функционирования.

Влиять на процесс формирования гражданского общества могут экономические, социальные, а также психологические факторы в контексте их исторического развития.

Тенденции формирования и развития гражданского общества в России определяются также ее федеративной структурой, взаимоотношением Центра и регионов, регионов между собой, между властями субъектов всех уровней и населением.

В настоящее время процессу гражданской консолидации не способствует глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, озабоченных элементарным выживанием и зависимых от политики власти – добавок к пенсии, льгот и т.д. и т.п. Кроме того, опыт современной России показывает, что региональные власти и местные общественные круги по-разному проявляют готовность к гражданской инициативе или к диалогу между собой.

Развитие негативных центробежных тенденций среди субъектов Российской

Федерации, сложности экономического положения страны и социальный хаос периода последующих реформ вызвали необходимость укрепления государственных институтов как таковых. При этом необходимо отметить, что никогда в истории России, властные структуры государства не торопились развивать и укреплять структуры гражданского общества, ибо не понимали их необходимость и видели в них противников, а не союзников.

В любом случае, проблематику становления и развития гражданского общества невозможно рассматривать без вопроса о его взаимосвязи с государ-

ством. В данном случае это особенно касается России. В переходный период, переживаемый страной, фактически одновременно идет формирование новой государственности и становление гражданского общества.

В настоящее время России необходимо ответить на следующие вопросы: Какова роль государства в формировании гражданского общества? Кто выступает субъектом развития – гражданское общество или государство?

Как показывает мировая практика, роль государства в становлении гражданского общества в странах с “догоняющей моделью” модернизации нельзя преуменьшить, но и преувеличивать тоже не следует. Характер деятельности государства и ее последствия зависят от эффективности контроля народа, от прозрачности мотивов политических решений и принципов государственной деятельности.

Некоторые политологи считают, что “важнейший фактор внутренней слабости российского общества – его зависимость от власти”² всех уровней.

Данный факт ограничивает гражданское начало самого общества, сдерживает становление и развитие его гражданских институтов. Пессимистические выводы о предпосылках гражданского общества, в частности, исходят из того, что в посттоталитарной России рыночные отношения частично носят криминальный характер. Соответственно средний класс формируется в определенной степени из криминальной среды, свободные ассоциации граждан отсутствуют или носят декоративный характер, публичная сфера сформирована, но беспомощна. Блокирует процесс формирования гражданского общества и незавершенность национально-государственного строительства, разнородность национально-этнического и конфессионального состава.

Г оворя об экономических факторах формирования гражданского общества, необходимо отметить, что развитие рынка в России сопровождалось не всегда легитимным переделом собственности. Начатые в 90-е годы экономические реформы не были ни спланированы, ни осуществлены в соответствии с разумными логическими принципами, основанными на соблюдении национальных интересов³. Таким образом, ключевой момент переходного периода, а именно приватизация “общественной собственности”, вызвал разрушение и уничтожение огромных общественных и государственных богатств Советского Союза, а также значительное социально-экономическое расслоение российского общества.

Второй этап перераспределения общественной собственности начался после кризиса 1998 г., когда в результате финансового обвала многие фирмы обанкротились и распродавались по самым низким ценам⁴. Участниками второго этапа стали так называемые “олигархи” и “новые” бизнесмены. Следует отметить, что, при этом, сфера покупательских интересов расширилась и распространилась на те отрасли, которые оставались без внимания на первых порах. И хотя такая динамика в сочетании с девальвацией и хорошими ценами на нефть помогла экономике избежать краха⁴, но при этом “олигархи” и иностранные инвестиционные фонды опустошили финансовую систему.

Считается, что третий этап перераспределения общественной собственности происходит в настоящее время. Предприятия, купленные по смехотворным ценам после дефолта 1998 г., стали предметом новых операций, известных как “Слияние” и “Приобретение”. Стоимость активов изменилась и оценивается уже миллионами, в связи с чем в игру вступают новые собственни-

ки и участники – крупные банки и инвестиционные фонды. Подавляющее большинство населения страны полностью отстранено от этого процесса.

Кроме того, трудности формирования институтов гражданского общества в значительной степени связаны с развитием страны путем последовательных циклов реформ-контрреформ. Отечественные исследователи констатировали, что только за последние два века Россия пережила несколько таких циклов. В каждом из циклов волны либерализации, усложнения социальной и политической системы, поощрения формирования гражданского общества чередовались с волнами подавления прав и свобод широких слоев населения, усиления государственного контроля во всех областях общественной жизни, упрощения социальной и политической систем, попыток навязать идеологическое, культурное и политическое единообразие.

За либеральными реформами Александра I последовали контрреформы Николая I, за преобразованиями Александра II – контрпреобразования Александра III.

За первыми реформами советского правительства пришел “военный коммунизм”, за НЭП – “великий перелом”, за хрущевской “оттепелью” и косыгинским “хозрасчетом” – брежневский “застой”, а затем – новые реформы, начатые М.С.Горбачевым.

Наконец, “демократия Б.Н.Ельцина” и федерализация отношений Центр-Регион, развитие местного самоуправления сменяется курсом В.В.Путина на “восстановление вертикали власти”.

Каждый цикл реформ-контрреформ существенно модифицировал российскую политическую систему, привнося в нее принципиально новые черты: качественно преобразался состав правящей элиты; возникали новые полити-

ческие институты; менялись цели и методы осуществления внутренней и внешней политики. Разумеется, были и инварианты, которые сохранялись вопреки всем изменениям – самодержавный тип власти, слабое и неустойчивое разделение власти и собственности, преобладание государственного патернализма и т.д.

В целом рассмотренные циклы носили эволюционный характер, и каждый раз приводили политическую систему в новое состояние.

Таким образом, отличительной чертой российского политического развития являются многократно наблюдавшиеся в каждом цикле переходы сначала к усложнению, а затем к новому частичному упрощению политической системы. Вследствие неэффективности и архаичности системы мобилизации ресурсов, всякий раз ход реформ сопровождался резким социальным расслоением и политической поляризацией, расколом, как общества, так и политической элиты.

Прежняя система мобилизации ресурсов была построена на единстве власти и собственности, и не могла отвечать задаче усложнения власти – разделения ее на отдельные ветви. В результате смысл реформ сводился к ликвидации отдельных, наиболее одиозных, отживших институтов государственной власти и частичному заимствованию новых форм организаций и передовых технологий.

Что же касается экономического и социального развития, то оно происходило, главным образом, в периоды контрреформ, приводивших в действие несколько обновленную, но малоэффективную систему мобилизации и распределения ресурсов, которая делала неизбежным ужесточение политического режима. Тем самым власть и политическая система вновь упрощались, становились более примитивны-

ми, и так до очередного цикла реформ-контрреформ.

Очевидно, что реализация данного сценария требовала огромных человеческих и природных затрат. До поры до времени слабая дифференцированность и низкая эффективность использования ресурсных потоков с лихвой покрывались их масштабами, но подобный путь не позволял осуществить органичную модернизацию российского общества и государства, которые во многих отношениях остались несовременными. Накануне “перестройки” выявилось, что прежний тип развития политической системы завел страну в эволюционный тупик.

Несмотря на проведение реформ, инерция движения еще чрезвычайно велика и Россия во многом продолжает следовать по накатанной колее, что все больше разрушает и обессиливает ее.

Вместе с тем, особенность современного эволюционного цикла состоит в том, что в последние годы впервые в российской истории наметилось соединение государственничества и либерализма, то есть элементов реформ и контрреформ⁵.

Такое соединение, пусть не вполне последовательное и пока не слишком устойчивое, диктуется внутри- и внешнеполитической ситуацией. В случае его закрепления перед российской политической системой откроется возможность перехода в новый, более эффективный и менее расточительный режим развития. Однако усталость населения от современного переходного периода, а также негативный исторический опыт, приводят к нежеланию граждан страны активно участвовать в дальнейшем модернизационном процессе.

Рассмотрение государства и общества, как элементов единой системы, а также процедур их взаимодействия, показывает, что в либеральных демокра-

тиях формальные и неформальные институты дополняют друг друга – формальные институты опираются на дополнительную поддержку со стороны неформальных. В переходных странах, как отмечают исследователи, неформальные институты искажают и вытесняют формальные правила и процедуры. Подобное замещение возможно и “сверху”, и “снизу”. Исполнительная власть, избранная демократическим путем, начинает расширять “сверху” свои прерогативы, игнорируя конституционное разделение властей.

В свою очередь, когда слабое гражданское общество со сравнительно небольшим “социальным капиталом”, но высоким потенциалом насилия, взаимным недоверием и широким распространением коррупции и традиций клиентализма начинает “внизу” пренебрегать институциональными правилами, то тем самым лишает влияния общественные и государственные институты, “колонируя” их в частных интересах⁶.

Напряжение между формальными институтами и неформальными правилами, типичное для “новых” демократий, может достичь такого уровня, что возникнет необходимость в создании иных формальных правил, более соответствующих уже существующим неформальным практикам и отвечающих интересам наиболее влиятельных акторов.

На практике, как это происходит в современной России, неформальное вытеснение институциональных правил “сверху” зачастую смешивается с таким же явлением “снизу”, и наоборот. Результатом такого смешения и становится так называемая “деформированная” демократия, что ведет к деформализации принятия политических решений, лишает народ реального суверенитета, гарантированного представительской формой правления. Если граж-

дане понимают, что выборная ветвь власти как основной институт гражданского общества независима только формально, а на деле власть – практически нераздельна, это не может не привести к утрате доверия к любым другим общественным институтам.

Исследования показывают⁷, что, исходя из чисто внешних показателей, отношение большинства российских граждан к институтам гражданского общества и гражданскому обществу в целом следует отнести к пассивно-отстраненной. Более того, изучение особенностей поведения людей свидетельствует, что некоторые из них являются препятствиями на пути улучшения деятельности социума. В частности можно отметить, что экономика как своеобразная квинтэссенция совместной деятельности миллионов людей по развитию социума подвержена влиянию подлых социальных факторов.

В связи с вышесказанным, следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, идея гражданского общества не полностью отвечает системообразующим принципам российского государства.

Если государство и общество на Западе конституированы как отдельные сущности, то в российской модели они мыслятся как два взаимопроникающих момента некоего субстанционального целого, причем государство в данном случае выступает не только как чисто функциональный институт, но и как “смыслополагающая” инстанция, которая создает “соборное” понимание характера движения.

Признавая в целом, что гражданские институты в России находятся в процессе развития, необходимо отметить, что политическая пассивность россиян носит ситуативный характер и связана, прежде всего, с невозможностью оказывать реальное воздействие

на процесс принятия политических решений. Средний россиянин предпочитает невысокую социально-политическую активность.

Такое состояние характеризуют как проявление “негражданственности”, закрепляющейся в качестве стабильной составляющей социального характера. Оно является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, зависимости от политики центральной и местной властей и ухудшающихся условий жизни. Приспособление, выбор “меньшего зла”, боязнь риска – все это ограничивает пространство гражданского сознания. Но, следует заметить, что “негражданственность” необходимо отличать от “антигражданского” поведения. Последнее характеризуется активным проявлением цинизма и сознательным агрессивным неприятием гражданских ценностей.

В современной России простое допущение формирования неких общественных организаций (центров, клубов, ассоциаций и т.д.) со стороны власти отнюдь не приводит автоматически к формированию такой мощной сдерживающей государство системы как гражданское общество.

В.Б.Пастухов писал: “...либеральное государство здесь существует в нелиберальной по сути среде. То, что должно быть итогом – либеральная власть – является в России началом. То, что должно быть началом – либеральное общество – является в России концом”⁸.

В этом, по мнению В.Б.Пастухова, и заключается причина того, что гражданское общество структурируется столь медленно. Собственно говоря, если вернуться в прошлое все тех же западноевропейских государств, для их либеральной экономики, скажем, конца XIX – начала XX вв. гражданское общество скорее воспринималось как препятствие.

Таким образом, сегодня можно говорить о вполне естественной, своеобразной

разной “неоконсервативной волне”, ставшей социокультурной основой для нынешней политической власти. Это волна несет в себе синтез черт, характерных как для традиционного в России понимания соотношения общества и власти, так и для новых общественных отношений, сформировавшихся за последние 10 лет. Налицо запрос на сильную, доминирующую в политическом пространстве власть как на субъекта общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие “расташены” между отдельными экономическими и политическими группировками. Все это позволяет, хотя и с известными оговорками, охарактеризовать наступившую после ухода Б.Н. Ельцина эпоху как “постпереходную”, по крайней мере, в той части, которая касается общественных ожиданий.

На сегодняшний день российская власть стабилизировалась. Это означает, что, хотя Россия во многом и сохраняет характер своего советского предшественника, взаимоотношения в схеме “приказ-повиновение” развиваются на основе принципа разума и рациональности, лишь в исключительных случаях используется принуждение. С этой точки зрения, власть все больше поворачивается навстречу социальным потребностям и вынуждена решать противоречия между этими потребностями и реальными возможностями их удовлетворения.

Признавая, что создание демократического государства не должно идти за счет ослабления его функций, необходимо подчеркнуть, что в этом процессе важную роль играет кардинальное обновление управленческой элиты, то есть административная реформа.

Такая реформа невозможна без влияния гражданского общества “снизу”, без деятельности организаций-посредников между государством и личностью, которые в процессе саморазвития выдвигают на политико-управленческий уровень наиболее инициативные и эффективные личности.

Государство, функционирующее в контексте общества, которому прежде властные структуры обеспечивали все необходимое (включая общественную роль или функцию, которую должны были исполнять представители данного общества), не может радикально изменить свой характер на противоположный, не заплатив за это дорогую цену. Поэтому в некоторых секторах реформы осуществляются крайне медленно.

Иными словами, адаптация либеральных ценностей в России наслаивается на государственно-патерналистский комплекс национального и кризис социально-экономического развития.

Период президентства В.В. Путина позволяет уже сегодня говорить о вступлении России в новый этап.

Это проявляется не только в изменениях институциональной сферы, но и в динамике массового сознания, в частности, в стремлении к порядку, укреплению государственности, росте патриотизма и интереса к национальным истокам и т.д.

Как показывают опросы, до 60% населения убеждены, что свобода и демократия принесли с собой утрату порядка.

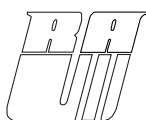
В процессе реформ “переходного” периода, в массовом сознании произошла некоторая дискредитация демократических символов, ценностей и институтов, включая парламент и многопартийные выборы.

В этом смысле прогресс в области политической компетенции гражданского общества как партнера государства связывают с повышением требований к качеству представляющих его элитарных групп.

Таким образом, позиция противопоставления и жесткой демаркации государства и гражданского общества не отвечает современной ситуации и потребностям развития общественных институтов в России. Нынешний уровень развития гражданского общества в России можно считать приемлемым для общества переходного типа, однако дальнейшая модернизация страны потребует совместных усилий государственной власти и граждан страны по развитию гражданского общества.

Примечания

- ¹ *Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twenties Century. NY: Norman. 1991; *Seligman A.* The Idea of Civil Society. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- ² *Ворожейкина Т.Е.* Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 7.
- ³ *Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В.* Политическое развитие и модернизация. // <http://kentipp.ru/chr27/polit2-6.htm>
- ⁴ *Sapir J.* Russia Crash of August 1998: Diagnosis and Prescriptions. Pos-Soviets Affairs. Vol. 15. № 1. Moscow, 1999. P. 32–35.
- ⁵ *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 71–74.
- ⁶ *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 114–117.
- ⁷ *Галкин А.* Индивид и гражданское общество: российская специфика // Власть. 1999. № 8. С. 39.
- ⁸ *Пастухов В.Б.* Конец русской идеологии: Новый курс или новый Путь? // ПОЛИС. 2001. № 1. С. 60.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru